

УДК 159.9

А. А. Фёдоров

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

fedleks@yandex.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ УЛОВКИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ *

Описаны интеллектуальные уловки постнеклассической психологии. К ним отнесены: (1) уловки самоименования; (2) отказ следовать критериям научного знания; (3) злоупотребление математической и физической терминологией; (4) безразличие к фактам; (5) игра в слова; (6) неясная связь с эмпирическими следствиями. Утверждается, что эти уловки тем характернее для постнеклассической психологии, чем ближе она к своему постмодернистскому варианту. Описанные интеллектуальные уловки выполняют две функции: во-первых, они препятствуют созданию научной психологической теории; во-вторых, они легитимизируют ее отсутствие.

Ключевые слова: постнеклассическая психология, интеллектуальные уловки, постмодернизм, научная рациональность, наука.

Одним из наиболее ярких и противоречивых эпизодов так называемых научных войн стала мистификация Сокала (*the Sokal hoax*). Суть мистификации заключалась в том, что в 1996 г. физик Алан Сокал написал и опубликовал в культурологическом журнале «Социальный текст» пародийную статью «Переступая границы: на пути к трансформативной герменевтике квантовой гравитации» [Sokal, 1996]. Эта статья, доказывавшая, что физическая реальность, включая гравитацию, – не более чем социальный и лингвистический конструкт, была

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-00715).

лишена какого бы то ни было физического смысла и, по сути, эксплуатирует типичные приемы, характерные для постмодернистской эссеистики. Спустя год вышла книга «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна», написанная на ее основе и переведенная на множество языков, включая русский. В этой работе авторы описывают четыре вида интеллектуальных уловок, или «злоупотреблений», распространенных в постмодернистских текстах [Сокал, Брикмон, 2002. С. 19].

1. Свободное рассуждение о научных теориях, о которых автор имеет весьма смутное впечатление, включая использование научных терминов без учета их реального значения.

2. Перенос понятий из точных наук в гуманитарные без эмпирического или концептуального обоснования.

3. Демонстрация ложной эрудированности, которая заключается в том, что на читателя обрушиваются ученые слова в контексте, который лишает их всякого смысла.

4. Жонглирование бессмысленными фразами и игра словами, сопровождаемая безразличием к их значениям.

Настоящая статья опирается на этот перечень уловок и расширяет его применительно к текстам, относящимся к постнеклассической психологии. Сторонники последней не раз утверждали, что одной из репрезентаций постнеклассической рациональности выступает постмодернизм. Так, Е. Ю. Патяева не только пишет о том, что постмодернистский стиль мышления соответствует постнеклассическому идеалу рациональности, но и утверждает, что он представляет собой его «более сильную, последовательную и расширенную версию» [2018. С. 176]. М. С. Гусельцева рассматривает постмодернизм не просто как тренд постнеклассической психологии, но как одного из трех «методологических китов», предопределивших ее постнеклассическое развитие [2013а]¹. Укажем, что не все согласны с этим. Так, Е. Е. Соколова приводит в своей статье мнение Е. Я. Режабека о трудной совместимости постмодернизма и постнеклассической рациональности и пишет, что она выступает не против постнеклассического видения в психологии, а «против того конкретного варианта методологии

¹ Следует отметить, что в последних работах М. С. Гусельцева говорит об ошибочности такого соотнесения, полагая, что постнеклассической рациональности больше соответствует не пост-, а метамодернизм [2016]. Укажем, во-первых, на поразительную легкость этого пересоотнесения и, во-вторых, на то, что по своей сути метамодернизм представляет собой лишь попытку вдохнуть жизнь в ослабший постмодернизм (безусловно, этот тезис требует отдельного рассмотрения и обоснования).

постнеклассической психологии, которая характерна для многих современных ее представителей» [2008. С. 144]. Вопрос о том, может ли постмодернистский вариант психологии рассматриваться в качестве манифестации постнеклассической рациональности, безусловно, правомерен, но поиск ответа на него существенно осложняется тем, что в настоящее время отсутствует как единое понимание того, что такое постнеклассическая рациональность, так и что такое постмодернизм. В контексте настоящей статьи достаточно зафиксировать, что осуществляемый в статье анализ проводится на материале работ, в которых говорится именно о *постнеклассической* психологии.

Уловки самоименования

Первый вариант данного злоупотребления связан с заимствованием терминологии теории В. С. Стёпина, которое сопровождается реинтерпретацией выделенных им типов рациональности. Так, М. С. Гусельцева, используя его конструкты, отказывается даже стоять в одном с ним ряду. В рецензии на работу «Психология личности» А. Г. Асмолова она пишет: «М. С. Гусельцеву напрасно и совершенно неточно автор поместил в компанию с В. А. Лекторским, В. С. Стёпиным и М. К. Мамардашвили (с. 5), – ей место скорее после слова “постмодернизм” или рядом с А. В. Юревичем» [Гусельцева, 2007. С. 174]². Сами «типы рациональности» начинают при этом рассматриваться как некие «метафорические конструкты». Выстраиваемый на их основе образ постнеклассической психологии существенно расходится с образом постнеклассической науки в подходе В. С. Стёпина, который предлагает вполне конкретные критерии демаркации научных типов рациональности [2015]. Подобную тактику мы рассматриваем как интеллектуальную уловку, поскольку она без всякой необходимости размывает оригинальный конструкт и, вероятно, просто выражает желание опереться на авторитетную в России концепцию. Заметим, в данном случае речь идет не об укоренившемся в науке понятии (например, о сознании, которое по-разному интерпретируется в разных подходах), а об относительно новой теории, так, по сути, и не сумевшей выйти за пределы российской академической жизни [Фёдоров, 2018]. Далее в результате «поспешного», по словам самой М. С. Гусельцевой, соотнесения постнеклассической рациональности с постмодернизмом (а затем и с метамодернизмом) возникают совер-

² Вероятно, речь идет именно о концептуальных различиях.

шенно отсутствующие в исходной модели коннотации. Для обозначения иного подхода рассмотрим модель В. А. Ядова [2003]. Он называет выделенные им три социологические метапарадигмы классика, постклассика и постпостклассика, явным образом отличая их от классики, неклассики и постнеклассики. Отмежевывается он и от постмодернизма: «И вот наступает период постпостклассики. Я не скажу, что это постмодерн, упаси бог, не надо смешивать»³. Отметим, что в диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук М. С. Гусельцева описывает подход В. А. Ядова в своей терминологии, сопоставляя неклассику с постклассикой, а постнеклассику с постпостклассикой [Гусельцева, 2015].

Второй аспект данной уловки связан с самим словообразованием: приставка «пост-» указывает на то, что нечто происходит после чего-то. Термин «постнеклассический» эксплицитно обозначает разновидность психологии, которая наступила после некой «неклассической». А поскольку (а) наука есть развивающийся институт, в котором новое знание прогрессивнее старого, и (б) постнеклассическая психология *презентует* себя как науку, то (в) постнеклассическая психология прогрессивней «предшествующих» типов психологического знания. Этот «прогрессизм» всегда чувствуется в текстах, хотя может выражаться очень аккуратно. Так, М. С. Гусельцева пишет: «Постнеклассическая рациональность “прогрессивнее”, чем неклассическая рациональность, на том основании, что в ней больше свободы, возможностей и “когнитивной” сложности» [2013а. С. 86]. Иными словами, классическая психология менее свободна, предлагает меньше возможностей и «когнитивно» проще. Предлагаются эмоциональные метафоры, в которых предшествующее знание предстает какой-то «Книгой мертвых» – вместо «живого тела» там «скелет», а вместо «живой бабочки» – ее рентгеновское изображение, – и утверждается, что предшествующие методологии «в постнеклассической реальности неадекватны возросшей сложности задачи» [Там же. С. 57].

Неклассическая физика берет начало с потрясающих воображение открытий и теорий, и хотя вопрос о том, основывалась ли она на новом типе научной рациональности, остается открытым, мало кто усомнится в том, что новые теории были прогрессивнее старых. На каких *психологических* открытиях и разработанных теориях основывается

³ Ядов В. А. Современное состояние мировой социологии (стенограмма лекции в рамках проекта «Публичные лекции “Полит.ру”»). URL: <http://polit.ru/article/2007/10/26/sociolog/> (дата обращения 23.09.2018).

постнеклассическая психология, которые дают ей основание быть прогрессивней? Если же единственным основанием «прогрессивности» являются большие свобода, возможности и сложность, то следует признать, что самым прогрессивным вариантом психологии является фантастическая литература.

Наука без правил науки

Второй интеллектуальной уловкой постнеклассической психологии является отказ следовать критериям научного знания, сопряженный со стремлением сохранить статус науки (вероятно, чтобы использовать ее авторитет). Наука, безусловно, эволюционирует, приобретает новые характеристики и, возможно, избавляясь от некоторых старых. При этом научное знание обладает определенными особенностями, утратив которые оно останется формой знания, но перестанет быть наукой⁴. Важно отметить, что нечто оставшееся может оказаться как чем-то принципиально новым, так и тем, что уже существует; при этом сравнение с наукой в категориях «хуже» / «лучше» может быть просто некорректно. В качестве примеров критериев, поставленных под сомнение в постнеклассической психологии, рассмотрим воспроизводимость и точность.

Кризис воспроизводимости, затронувший не только психологию, но и другие науки, в рамках постнеклассической психологии предлагается разрешить весьма просто: необходимо исключить воспроизводимость из списка важнейших критериев научного знания. Как утверждает, «с методологических позиций постнеклассической науки можно говорить о новых нормах научности в психологии, прежде всего таких, как диалогичность, плюралистичность, множественность истин, нестабильность как свойство систем» [Вачков, Вачкова, 2016. С. 99]. В статье, посвященной воспроизводимости результатов в исследованиях интуиции, отмечается, что в наши дни многие исследователи работают в постнеклассической парадигме, и обращается особое внимание на «методологию невоспроизводимости» В. Н. Бинги [Васильева, Григорьев, 2017]. Отметим, что эта «методология невоспроизводимости», по словам самого автора, связана с паранаукой и изучением паранормальных явлений. Так, в качестве примера при-

⁴ Представляется, что это верно вне зависимости от того, рассматриваем мы формы знания как дискретные типы или пытаемся расположить их на некотором или некоторых континуумах.

водятся «события психокинеза, неоднократно демонстрировавшиеся Н. Кулагиной» [Бинги, 2011. С. 533]. Академик РАН Е. Б. Александров характеризует ее не иначе как «известную аферистку», которую «неоднократно уличали в мошенничестве» [Александров, 2006. С. 8]. Иными словами, отказ от воспроизводимости связан с выходом в «серую зону» науки⁵. Сам по себе этот выход не обязательно является чем-то плохим: научный поиск вполне может происходить и в области, которая в конкретный период времени относится к паранормальной. Но признание реальности некоторого паранормального явления связано, среди прочего, и с тем, что оно становится *воспроизводимым*. Не случайно авторы уже упоминавшейся статьи, посвященной интуиции, обращая особое внимание на «методологию невоспроизводимости», пытаются все же воспроизвести исследования в этой области⁶. Все это наводит на мысль, что постнеклассическая рациональность является плодотворной почвой для возникновения псевдо- и паранаучных концепций, что, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения.

Еще одним *классическим* критерием научности, которому отказывается следовать постнеклассическая психология, является точность и строгость понятий. Как пишет М.С. Гусельцева, постнеклассическая рациональность ставит под сомнение «сами основы научной строгости... Кто доказал, что научные понятия продуктивнее житейских» [2013а. С. 95]. Вместо точности теперь требуется полет воображения, а стремление к строгим и точным понятиям заменяют метафорические конструкты. Здесь следует сказать, что эвристичность метафоры не может служить основанием отказа от критерия строгости и точности. Как указывал М. Бунге, метафоры – вещь обоюдоострая. Приведем отрывок из его работы, отражающий кредо научного реализма:

Поэты, геологи и специалисты в области магии используют метафоры и аналогии, с помощью которых они рассуждают о предметах, ускользающих от непосредственного описания или, возможно даже, от рационального понимания. Преподаватели прибегают к метафоре и аналогиям

⁵ В. Н. Бинги является автором и соавтором ряда публикаций, вышедших в 1990-х гг., посвященных торсионным полям, включая их связь с сознанием. Эта теория, разработанная в эпоху позднего СССР, признана в настоящее время псевдонаучной [Кругляков, 2009].

⁶ В своей статье И. В. Васильева и П. Е. Григорьев упоминают парапсихологические исследования Д. Бема [Bem, 2011; Bem et al., 2016], но не говорят о том, что его исследования встретили множество возражений и не раз сообщалось о неудачных попытках воспроизведения его исследований (см., например: [Ritchie et al., 2012]).

с другой целью, а именно чтобы построить мост через пропасть между неизвестным и известным. Кто из нас не поддавался соблазну представлять электроны иногда как шарики, а иногда как волновые пакеты? Однако мы знаем, что эти образы, которые в лучшем случае лишь дидактические опоры, часто оказываются просто ловушками, как и все заменители реальных вещей. Поэтому мы попытаемся обойтись без них в нашем исследовании. Мы хотим, чтобы наука имела дело с тем, что суть вещи, а не с тем, что только выглядит подобно вещам. Наука не поэзия, не теодия и не черная магия! Если мы и хотим использовать аналогию в качестве проводника в наших предварительных исследованиях (отметьте эту метафору), то мы все же чувствуем, что было бы ошибочно позволять ей играть какую-либо роль в зрелой теории, так как нам необходимо иметь описание самой вещи, а не ее поверхностное подобие. Иными словами, если мы стремимся к объективности, нам нужны точные интерпретации – даже если они не дают никаких привычных, наглядных образов [1975. С. 174].

В философии науки не раз отмечалось, что практически все психологические понятия – суть метафоры. С этим можно согласиться. Но в то время как классическая психология боролась за то, чтобы превратить их в точные конструкты, постнеклассическая психология предлагает смириться с этим. Собственно, ответ на вопрос М. С. Гусельцевой о продуктивности понятий довольно прост. Достаточно сравнить практические следствия и теоретическую разработанность наук, стремящихся к научной строгости, и психологии, так и не сумевшей из метафорической науки стать точной. Еще раз укажем: нет ничего плохого в метафорическом познании реальности, но построение метафорической теории вряд ли может быть названо научной целью.

Злоупотребление математической и физической терминологией

Злоупотребления математической и физической терминологией в рамках постмодернистского варианта постнеклассической рациональности детально проанализированы в уже упоминавшейся работе А. Сокала и Ж. Брикмона [2002]. В отечественной постнеклассической психологии наиболее явными источниками некорректных заимствований выступают синергетика, квантовая механика и фрактальная геометрия. Отметим, что ряд сторонников постнеклассической психологии осознают всю опасность переноса естественно-научной

и математической терминологии в область психологии. Так, относительно экспансии синергетической терминологии основатель трансспективного варианта постнеклассической психологии В. Е. Ключко пишет: «переходя от физических, химических и даже биологических систем к психологическим системам, надо действовать не просто осторожно, но предельно осторожно» [2015. С. 11]. Такая осторожность, к сожалению, присутствует не всегда, и в результате возникает то, что В. Б. Губин называет псевдосинергетикой, которая весьма популярна у постнеклассических ученых [2003; 2006]. Можно также указать на попытки связать психологию с квантовой физикой. Так, В. Ф. Петренко утверждает, что коллективное бессознательное существует вне форм пространства и времени и должно описываться на языке гильбертовых пространств [Петренко, Супрун, 2014; Петренко, 2018]. Что это означает фактически – совершенно не ясно. С какими величинами сопоставлено коллективное бессознательное (а величины нам, вероятно, нужны, чтобы математизировать представления о нем на языке гильбертовых пространств, предполагающем измеримость длин векторов и углов)? Почему оно вообще существует: предсказано ли / доказано ли его существование математически? И пр. В итоге аналогии между психологией и квантовой физикой приводят к так называемому квантовому мистицизму, который признает «феномены синхроничности, телепатии и предвидения» [Петренко, 2018. С. 98] и предполагает, что возможен контакт с некими космическими «братьями по разуму», которых «можно искать не только запуская в космос радиозонды и телескопы, но и медитируя, направляя мысленный взгляд вглубь собственного сознания, обращаясь к архетипам коллективного, а возможно, и космического бессознательного» [Петренко, 2016. С. 142].

Сказанное, конечно, не следует понимать так, что нужно выступать против проникновения физических и математических понятий в науку о человеке. Напротив, если мы пытаемся построить единую картину мира, нам следует к этому стремиться, но это стремление должно основываться на экспериментах и построениях точных моделей, а не метафорах и аналогиях.

Безразличие к фактам

Там, где постнеклассическая психология, казалось бы, должна обращаться к фактам, она демонстрирует к ним явное равнодушие.

Рассмотрим для примера анализ М. С. Гусельцевой развития истории психологии. Она разрабатывает модель, в которой как психология в целом, так и отдельные психологические школы развиваются по принципу «тезис – антитезис – синтез» («синкрет – дифференциация – синтез»). В статье эта модель «демонстрируется» на примере ассоциативной психологии и бихевиоризма, при этом нет ни одной ссылки на труды самих ассоцианистов или бихевиористов [2013б]. Когда были приведены фактологические несоответствия модели и реальности, в ответ прозвучали обвинения в педантизме [Фёдоров, 2014а; Гусельцева, 2014]. При этом вновь ни одна работа что ассоцианистов, что бихевиористов не была привлечена в качестве доказательств корректности модели. Показательно, что защитой от «якобы фактологической недостоверности» выступило для М. С. Гусельцевой понятие «идеального типа», которое в данном случае выполнить такую функцию не способно, поскольку речь идет не о содержании идеального типа, а о демонстрации его применимости к реальной истории психологии [Фёдоров, 2014б]. В своей диссертации 2015 г. при описании этой модели М. С. Гусельцева также не стала ссылаться на самих ассоцианистов, ограничившись учебником Т. Д. Марцинковской [Гусельцева, 2015. С. 209–212]. При анализе бихевиоризма появилась лишь одна ссылка (на работу У. Мишела) [Там же. С. 222–224].

Также обращает на себя внимание несколько вольное обращение с фактами при рассмотрении так называемых «национальных интеллектуальных традиций психологических школ». Остановимся только на двух случаях. При рассмотрении немецкой интеллектуальной традиции среди ее представителей возникает (и занимает видное место) Дж. Вико (1668–1744). Вот что указывает М. С. Гусельцева: он «был уроженцем Неаполя, но, поскольку часть итальянских земель того времени входила в состав Священной Римской империи, мы имеем все основания рассматривать его учение в контексте немецкой интеллектуальной традиции» [2013а. С. 265]. Так уроженец Неаполя, получивший образование в Неаполитанском университете и писавший на итальянском языке и латыни, стал представителем немецкой традиции. При этом совершенно не учитываются сложности реальной истории. Эта часть Италии входила в Неаполитанское королевство, которое существовало с 1282 по 1816 г. и в разные периоды истории контролировалось разными государствами. Так, первую половину жизни Дж. Вико Неаполитанское королевство контролировалось Габсбургской Испанией и только в 1714 г. после войны за испанское

наследство было передано Карлу VI, императору Священной Римской империи. Можно ли в свете таких фактов считать Дж. Вико представителем немецкой интеллектуальной традиции? Почему не испанской интеллектуальной традиции? Или, что представляется самым простым вариантом, не итальянской? Вправе ли мы, скажем, польских философов XIX столетия считать представителями русской интеллектуальной традиции, поскольку большая часть нынешней Польши с 1815 по 1915 г. входила в состав Российской империи? Или требуются иные основания?

Рассматривая английскую интеллектуальную традицию, М. С. Гусельцева пишет, что «А. Бэн и Г. Спенсер опирались на эволюционное учение Ч. Дарвина» [2013а. С. 223]. Никакой аргументации не приводится. В действительности А. Бэн и Г. Спенсер не опирались на учение Ч. Дарвина, а развивали свои концепции параллельно натуралистической теории эволюции. «Основы психологии» Г. Спенсера и «Ощущения и интеллект» А. Бэна выходят в 1855 г., а работа Ч. Дарвина «О происхождении видов» – в 1859 г. В первом издании работы Г. Спенсера имя Ч. Дарвина не упоминается ни разу [Spencer, 1855], а в первом издании труда А. Бэна – лишь единожды, и применительно не к эволюции, а к возможности возникновения ощущений без внешнего воздействия [Bain, 1855]. Д. Фримэн в своем скрупулезном анализе показал, что теории Ч. Дарвина и Г. Спенсера не связаны по своему происхождению, имеют различные логические структуры и существенно отличаются своим отношением к ламаркизму [Freeman, 1974].

В качестве другого примера безразличия к фактам приведем анализ Е. Ю. Патяевой подхода В. Вундта в контексте типов научной рациональности. Ни разу не сославшись на работы В. Вундта, она пишет, что у него сознание «превращается в объект, лишенный активности и самопроизвольности и практически полностью аналогичный объектам» [2018. С. 178]. При этом одним из основополагающих понятий волюнтаристской системы В. Вундта является апперцепция, представляющая собой активный и сложный процесс, который некоторые историки психологии предлагают описывать в терминах самоорганизации [Вундт, 1896; Schultz, Schultz, 2015]. Безразличие к фактам приводит к упрощению психологических теорий прошлого, что, вероятно, направлено на предотвращение вечной трагедии науки, о которой писал Т. Гексли: убийства красивой гипотезы уродливым фактом.

Игра в слова

В статье уже говорилось о том, что некоторые сторонники постнеклассической психологии вместо точных понятий предлагают оперировать метафорами: как пишет М. С. Гусельцева, «понятия умышленно превращаются в метафоры» [2013а. С. 94]. Смыслы умышленно умножаются, понятия, взятые из других концепций, трактуются иногда не просто метафорически, а с полным искажением и преобразованием смысла. О легитимации использования метафор пишет и В. Ф. Петренко, указывая на сходство постнеклассической и трансперсональной психологией: «Методология постнеклассической рациональности, близкая по духу трансперсональной психологии, позволяет объяснять существование некоторого люфта “незнаемого” наличием понятий, имеющих не научный, а метафорический или мифологический характер [...] В практике трансперсональной психологии допускается использование четко не определенных, не операционализированных понятий, взятых из религии, мифологии и являющихся метафорами или житейскими представлениями» [Петренко, 2013. С. 127].

Точные понятия (чья точность, безусловно, не является абсолютной), проникая в психологию, превращаются в метафоры, которые далеко не всегда выполняют даже функцию прояснения смысла. В науке нет запрета на использование метафор, но научная теория стремится к оперированию точными терминами. Как пишут А. Сокал и Ж. Брикмон, «научные теории не похожи на романы: их термины имеют точный смысл, который отличается от их обыденного смысла и который образуется лишь внутри теоретико-экспериментального комплекса. Если они используются в тех же целях, что и метафоры, то все легко оборачивается бессмыслицей» [2002. С. 154]. Именно к построению «теоретико-экспериментального комплекса» должна стремиться научная психология.

Неясные эмпирические следствия

Еще одной интеллектуальной уловкой, являющейся, в частности, следствием игры в слова, является слабая (и неясная) связь постнеклассической теории с эмпирическими следствиями. Большинство статей в области постнеклассической психологии являются теоретическими рассуждениями, а там, где постнеклассическая психология привлекается к обоснованию эмпирического исследования, эта

связь часто выглядит искусственной. Рассмотрим, например, «опыт» постнеклассического исследования смысла любви [Вараксина, 2007]. После теоретических рассуждений о том, что «постнеклассическая методология позволяет по-новому поставить проблему психологического исследования любви» [Вараксина, 2007. С. 137], автор проводит вполне традиционное исследование с использованием семантического дифференциала и проективных методик. В описании эмпирического исследования и интерпретации результатов постнеклассическая психология ни разу не возникает.

Постнеклассическая психология, как и любая наука, должна создавать такие теории, из которых выводимы проверяемые следствия.

Заключение

Выявленные интеллектуальные злоупотребления, вне всяких сомнений, присущи не только постнеклассической психологии. Кроме того, в данной статье не утверждается, что они встречаются в каждом постнеклассическом тексте. Но можно сказать, что они тем характернее для постнеклассической психологии, чем ближе она к своему постмодернистскому варианту. С другой стороны, не ясно, существуют ли сейчас какие-то иные варианты постнеклассической психологии. Если следовать критериям В. С. Стёпина, то стоит признать, что ответ должен быть отрицательным. В то время как, например, математик Г. Г. Малинецкий полагает, что постнеклассическая рациональность является «заданием на завтра» [2018. С. 13], в отечественной психологии распространено мнение, что психология *уже* постнеклассическая наука. Так, В. Е. Ключко пишет о постнеклассике, что «психология наравне с другими науками уже давно вошла в ее пределы» [2008. С. 177]. На наш взгляд, совершенно недостаточно внедрить в психологию язык синергетики и указать на некие ценностные аспекты научного знания, поскольку сами по себе идеи самоорганизации и ценностных оснований научной теории не являются для психологии и философии новыми. Прежде всего необходимо представить согласованную научную теорию, позволяющую проверить ее в эмпирических исследованиях. В этом контексте описанные интеллектуальные уловки выполняют две функции: во-первых, они препятствуют созданию такой теории; во-вторых, они легитимизируют ее отсутствие. Возможно, с позиций постмодернистского варианта постнеклассической психологии так и *должно* быть, но вряд ли эти уловки способствуют прогрессу *научной* психологии.

К читателю-постнеклассику

Защитники постнеклассической психологии уже указывали, что к ее оценке следует подходить с позиций «презумпции ума», которая якобы выступает аналогом вежливости [Гусельцева, 2014]. Позволю себе заметить, что само по себе вступление в дискуссию «презюмирует ум», а наличие ума не выступает гарантией от ошибок. Любая теория в науке *должна* ставиться под сомнение. Мне очень близки следующие слова Г. Башляра, которыми он начал одну из своих лекций-диспутов, а я хочу закончить данную статью: «Я всего лишь мишень для возражений и надеюсь, что возражений будет много и они будут носить, как и вопросы и вся наша дискуссия, откровенный характер» [1987. С. 284–285].

Список литературы

Александров Е. Б. Проблемы экспансии лженауки // В защиту науки. 2006. № 1. С. 8–16.

Башляр Г. О природе рационализма // Новый рационализм / Предисл. и общ. ред. А. Ф. Зотова. М.: Прогресс, 1987. С. 284–324.

Бинги В. Н. Принципы электромагнитной биофизики. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2011.

Бунге М. Философия физики. М.: Прогресс, 1975.

Вараксина Е. В. Смысл любви: опыт постнеклассического исследования // Омский научный вестник. 2007. № 5 (59). С. 136–139.

Васильева И. В., Григорьев П. Е. Воспроизводимость результатов в исследованиях интуиции // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 2 (162). С. 87–94.

Вачков И. В., Вачкова С. Н. Воспроизводимость психологических экспериментов как проблема постнеклассической науки // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 1. С. 97–101.

Вундт В. Очерк психологии. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1896.

Губин В. Б. Синергетика как новый пирог для «постнеклассических» ученых, или отзыв на автореферат докторской диссертации // Философские науки. 2003. № 2. С. 121–155.

Губин В. Б. Псевдосинергетика – новейшая лженаука // В защиту науки. 2006. № 1. С. 110–119.

Гусельцева М. С. Вариации на тему «психологии личности» и пристрастности в психологии // Вопр. психологии. 2007. № 4. С. 172–176.

Гусельцева М. С. Эволюция психологического знания в смене типов рациональности: историко-методологическое исследование. М.: Акрополь, 2013а.

Гусельцева М. С. Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания // *Вопр. психологии.* 2013б. № 4. С. 3–15.

Гусельцева М. С. Ловушки редукции, или о разнообразии интеллектуальных стилей как предпосылках интерпретации // *Вопр. психологии.* 2014. № 2. С. 81–92.

Гусельцева М. С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: Дис. ... д-ра психол. наук. М.: Психологический институт РАО, 2015.

Гусельцева М. С. Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // *Принцип развития в современной психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–51.

Клочко В. Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // *Методология и история психологии.* 2008. Т. 3, № 1. С. 165–178.

Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2015.

Кругляков Э. П. «Ученые» с большой дороги-3. М.: Наука, 2009.

Малинецкий Г. Г. Синергетика и наука о человеке // *Человек.* 2018. № 3. С. 5–17.

Патяева Е. Ю. Классическое, неклассическое и постнеклассическое знание в современной психологии // *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 160–193.

Петренко В. Ф. Базовые метафоры психологических теорий // *Психологический журнал.* 2013. Т. 34, № 1. С. 121–131.

Петренко В. Ф. Контакт с космическим сознанием через исследования человеческой ментальности? // *Общественные науки и современность.* 2016. № 5. С. 142–155.

Петренко В. Ф. К проблеме коллективного бессознательного в рамках философии постнеклассической рациональности и психологии конструктивизма // *Вопр. философии.* 2018. № 2. С. 89–101.

Петренко В.Ф., Супрун А. П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 6. С. 69–86.

Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. 248 с.

Соколова Е. Е. Нетерпимость толерантных (еще раз о монизме, плюрализме и дискуссиях о методологических ориентациях психологии) // Вопр. психологии. 2008. № 3. С. 138–146.

Стёпин В. С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия, методология и история науки. 2015. № 1. С. 6–27.

Фёдоров А. А. Об иррелевантности истории психологии и философии науки (комментарий к статье М. С. Гусельцевой «Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания») // Вопр. психологии. 2014а. № 1. С. 98–105.

Фёдоров А. А. Уловки интеллектуальной эквилибристики // Вопр. психологии. 2014б. № 4. С. 83–93.

Фёдоров А. А. Библиометрический анализ публикаций по постнеклассической психологии в Scopus // Reflexio. 2018. Т. 11, № 1. С. 37–46.

Vain A. The senses and the intellect. London: John W. Parker and Son, 1855.

Bem D. et al. Feeling the future: A meta-analysis of 90 experiments on the anomalous anticipation of random future events // F1000Research. 2016.

Bem D. J. Feeling the future: experimental evidence for anomalous retroactive influences on cognition and affect // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 100. No. 3. P. 407–425.

Freeman D. The evolutionary theories of Charles Darwin and Herbert Spencer [and comments and replies] // Current Anthropology. 1974. Vol. 15. No. 3. P. 211–221.

Ritchie S. J., Wiseman R., French C. C. Failing the future: three unsuccessful attempts to replicate Bem's 'retroactive facilitation of recall' effect // PLOS ONE. 2012. Vol. 7. No. 3. P. e33423.

Schultz D. P., Schultz S. E. A history of modern psychology. Boston: Cengage Learning, 2015.

Sokal A. D. Transgressing the boundaries: toward a transformative hermeneutics of quantum gravity // Social Text. 1996. No. 46/47. P. 217–252.

Spencer H. The principles of psychology. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855.

Материал поступил в редколлегию 29.07.2018

A. A. Fedorov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

fedleks@yandex.ru

INTELLECTUAL IMPOSTURES OF POST-NONCLASSICAL PSYCHOLOGY

The article describes intellectual impostures of post-nonclassical psychology. They include: (1) the tricks of self-naming; (2) refusal to follow the criteria of scientific knowledge; (3) abuse of mathematical and physical terminology; (4) indifference to facts; (5) word game; (6) unclear connection with empirical consequences. It is argued that post-nonclassical psychology is more characterized by these impostures, the closer it is to its postmodern version. The described intellectual impostures perform two functions: firstly, they interfere with the elaboration of a scientific psychological theory, and secondly, they legitimize its absence.

Keywords: post-nonclassical psychology, intellectual impostures, postmodernism, scientific rationality, science.

References

Aleksandrov, E. B. (2006). Problemy ekspansii lzhenauki [Problems of expansion of pseudoscience]. *V zashchitu nauki*, 1, 8–16. (in Russ.)

Bashliar, G. (1987). O prirode ratsionalizma [On the Nature of Rationalism]. In A. F. Zotov (ed.) *Novyi ratsionalizm [New Rationalism]* Moscow, Progress, pp. 284–324. (in Russ.)

Bingi, V. N. (2011). *Printsipy elektromagnitnoi biofiziki* [Principles of electromagnetic biophysics]. Moscow, FIZMATLIT. (in Russ.)

Bunge, M. (1975). *Filosofia fiziki* [Philosophy of Physics]. Moscow, Izdatel'stvo «Progress». (in Russ.)

Varaksina, E. V. (2007). Smysl liubvi: opyt postneklassicheskogo issledovaniia [The meaning of love: the experience of post-nonclassical research]. *Omskii nauchnyi vestnik*, 5 (59), 136–139. (in Russ.)

Vasil'eva, I. V., Grigor'ev, P. E. (2017). Vosproizvodimost' rezul'tatov v issledovaniakh intuitsii [Reproducibility of results in studies of intuition]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 23(2(162)), 87–94. (in Russ.)

Vachkov, I. V., Vachkova, S. N. (2016). Vosproizvodimost' psikhologicheskikh eksperimentov kak problema postneklassicheskoi nauki [Reproducibility of psychological experiments as a problem of post-nonclassical science]. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiiia*, 12 (1), 97–101. (in Russ.)

Vundt, V. (1896). *Ocherk psikhologii* [An Introduction to psychology]. SPb.: Izdanie F. Pavlenkova.

Gubin, V. B. (2003). Sinergetika kak novyi pirog dlia «postneklassicheskikh» uchenykh, ili otzyv na avtoreferat doktorskoi dissertatsii [Synergetics as a new pie for «post-nonclassical» scientists, or a review on the author's abstract of the doctoral dissertation]. *Filosofskie nauki*, 2, 121–155. (in Russ.)

Gubin, V. B. (2006). Pseudosinergetika – noveishaia lzhenuka [Pseudosynergetics – the newest pseudoscience]. *V zashchitu nauki*, 1, 110–119. (in Russ.)

Guseltseva, M. S. (2007). Variatsii na temu «psikhologii lichnosti» i pristrastnosti v psikhologii [Variations on the theme of «personality psychology» and bias in psychology]. *Voprosy psikhologii*, 4, 172–176. (in Russ.)

Guseltseva, M. S. (2013a). *Evoliutsiia psikhologicheskogo znaniia v smene tipov ratsional'nosti: istoriko-metodologicheskoe issledovanie* [The Evolution of Psychological Knowledge in the Change of the Types of Rationality]. Moscow, Akropol' Publ. (in Russ.)

Guseltseva, M. S. (2014). Lovushki reduktsii, ili o raznoobrazii intellektual'nykh stilei kak predposylkakh interpretatsii [Traps of reduction, or the diversity of intellectual styles as prerequisites for interpretation]. *Voprosy psikhologii*, 2, 81–92. (in Russ.)

Guseltseva, M. S. (2016). Printsip razvitiia v psikhologii: vyzovy poliparadigmal'nosti i transdistsiplinarnosti [Principle of development in psychology: challenges of polyparadigmality and transdisciplinarity]. In A. L. Zhuravleva, E. A. Sergienko (eds.). *Printsip razvitiia v sovremennoi psikhologii* [Principle of development in contemporary psychology]. Moscow, Izd-vo «Institut psikhologii RAN», pp. 31–51. (in Russ.)

Guseltseva, M. S. (2013b). Tipy ratsional'nosti kak osnovanie dlia periodizatsii psikhologicheskogo znaniia [Types of rationality as the basis for the periodization of psychological knowledge]. *Voprosy psikhologii*, (4), 3–15. (in Russ.)

Guseltseva, M. S. (2015). *Kul'turno-analiticheskii podkhod k izucheniiu evoliutsii psikhologicheskogo znaniia*: dis. ... d-ra psikhol. nauk. Moscow, Psikhologicheskii institut RAO. (in Russ.)

Klochko, V. E. (2015). *Samoorganizatsiia v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniia mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyi analiz)* [Self-organization in psychological systems: problems of the formation of personality mental space (an introduction to transsperspective analysis)]. Tomsk, Tomskii gosudarstvennyi universitet. (in Russ.)

Klochko, V. E. (2008). Postneklassicheskaia nauka i problema obiasneniia v psikhologii [Post-nonclassical science and the problem of explanation in psychology]. *Metodologiia i istoriia psikhologii*, 3 (1), 165–178. (in Russ.)

Krugliakov, E. P. (2009). «Uchenye» s bol'shoi dorogi-3 [Highway «Scientists»-3]. Moscow, Nauka. (in Russ.)

Malinetskii, G. G. (2018). Sinergetika i nauka o cheloveke [ynergetics and the science of man]. *Chelovek*, 3, 5–17. (in Russ.)

Patiaeva, E. Iu. (2018). Klassicheskoe, neklassicheskoe i postneklassicheskoe znanie v sovremennoi psikhologii [Classical, nonclassical and post-non-classical knowledge in modern psychology]. In A. L. Zhuravlev, A. V. Yurevich (eds.) *Psikhologicheskoe znanie: Sovremennoe sostoiianie i perspektivy razvitiia* [Psychological knowledge: Current state and development prospects]. Moscow, Izd-vo «Institut psikhologii RAN», pp. 160–193. (in Russ.)

Petrenko, V. F. (2013). Bazovye metafory psikhologicheskikh teorii [Basic metaphors of psychological theories]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 34 (1), 121–131. (in Russ.)

Petrenko V. F., Suprun A. P. (2014). Vzaimosviaz' kvantovoi fiziki i psikhologii soznaniia [Interrelation of quantum physics and psychology of consciousness]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 35 (6), 69–86. (in Russ.)

Petrenko, V. F. (2016). Kontakt s kosmicheskim soznaniem cherez issledovaniia chelovecheskoi mental'nosti? [Contact with cosmic consciousness through the study of human mentality?] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 5, 142–155. (in Russ.)

Petrenko, V. F. (2018). K probleme kollektivnogo bessoznatel'nogo v ramkakh filosofii postneklassicheskoi ratsional'nosti i psikhologii

konstruktivizma [To the problem of the collective unconscious within the framework of the philosophy of post-non-classical rationality and the psychology of constructivism]. *Voprosy filosofii*, 2, 89–101. (in Russ.)

Sokal, A., Brikmon, Zh. (2002). *Intellektual'nye ulovki. Kritika sovremennoi filosofii postmoderna [Intellectual Impostures]*. Moscow, Dom intellektual'noi knigi. (in Russ.)

Sokolova, E. E. (2008). Neterpimost' tolerantnykh (eshche raz o monizme, pliuralizme i diskussiiakh o metodologicheskikh orientatsiakh psikhologii) [Intolerance of tolerant (once again about monism, pluralism and discussions about the methodological orientations of psychology)]. *Voprosy Psikhologii*, 3, 138–146. (in Russ.)

Stepin, V. S. (2015). Istoricheskie tipy nauchnoi ratsional'nosti: problemy demarkatsii i preemstvennosti [Historical Types of Scientific Rationality: Problems of Demarcation and Continuity]. *Filosofia, metodologiya i istoriya nauki*, 1, 6–27. (in Russ.)

Fedorov, A. A. (2014a). Ob irrelevantnosti istorii psikhologii i filosofii nauki (kommentarii k stat'e M.S. Guseltsevoi «Tipy ratsional'nosti kak osnovanie dlia periodizatsii psikhologicheskogo znaniia») [On irrelevance of history of psychology and philosophy of science (a commentary on M. S. Guseltseva's article «Types of rationality as the basis for periodizing psychological knowledge»)]. *Voprosy psikhologii*, 1, 98–105. (in Russ.)

Fedorov, A. A. (2014b). Ulovki intellektual'noi ekvilibristiki [Tricks of intellectual speculations]. *Voprosy psikhologii*, 4, 83–93. (in Russ.)

Fedorov, A. A. (2018). Bibliometricheskii analiz publikatsii po postneklassicheskoi psikhologii v Scopus [Bibliometric analysis of publications on post-nonclassical psychology in Scopus]. *Reflexio*, 11 (1), 37–46. (in Russ.)

Bain, A. (1855). *The senses and the intellect*. London, John W. Parker and Son.

Bem, D. J. (2011). Feeling the future: experimental evidence for anomalous retroactive influences on cognition and affect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 100 (3), 407–425. <https://doi.org/10.1037/a0021524>

Bem, D., Tressoldi, P., Rabeyron, T., & Duggan M. (2016). Feeling the future: A meta-analysis of 90 experiments on the anomalous anticipation of random future events. *F1000Research*. <https://doi.org/10.12688/f1000research.7177.2>

Freeman, D. (1974). The evolutionary theories of Charles Darwin and Herbert Spencer. *Current anthropology*, 15 (3), 211–237.

Ritchie, S. J., Wiseman, R., & French, C. C. (2012). Failing the future: three unsuccessful attempts to replicate Bem's 'retroactive facilitation of recall' effect. *PLOS ONE*, 7 (3), e33423. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0033423>

Schultz, D. P., Schultz, S. E. (2015). *A history of modern psychology*. Boston, Cengage Learning.

Sokal, A. D. (1996). Transgressing the boundaries: toward a transformative hermeneutics of quantum gravity. *Social Text*, 46/47, 217–252. <https://doi.org/10.2307/466856>

Spencer, H. (1855). *The principles of psychology*. London, Longman, Brown, Green, and Longmans.